

ЛЕГАЛЬНЫЕ НАРОДНИКИ И ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВА КАК СУБЪЕКТА ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Г. Н. Мокшин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 сентября 2009 г.

Аннотация: в статье анализируются взгляды идеологов легального народничества последней трети XIX в. на проблему «власть и реформы». Исследуются причины различной интерпретации народниками социальной природы российского самодержавия и его роли в истории России. Выясняются особенности легально-народнической программы политической демократизации страны.

Ключевые слова: легальное народничество, самодержавие, реформы, Россия.

Abstract: the article analyses views of legal populism ideologists of the last third of the XIX century on the problem «Authorities and reforms». He investigates how differently populists interpreted reasons of social background of Russian autocracy and it's role in the history of Russia. Peculiarities of legal populist's programmer for political democratization of the country are revealed.

Key words: legal populism, autocracy, reforms, Russia.

Одно из ключевых мест в легально-народнической доктрине общественных преобразований занимала проблема государственной власти и ее реформаторского потенциала.

Современные исследователи считают легальных народников государственниками [1, с. 261]. Даже те из народников, кто в молодости сочувствовал анархическим идеалам М. А. Бакунина (например, И. И. Каблиц-Юзов), перейдя на реформистские позиции, неизбежно должны были задуматься о невозможности мирного пути к осуществлению народнических идеалов без поддержки государственной власти.

Советские историки вслед за Г. В. Плехановым и В. И. Лениным были убеждены, что легальные народники могли обращаться за поддержкой своих социальных программ только к царскому правительству. Причем, чтобы быть услышанными, они должны были отказаться от идеи политической демократизации страны, равно как и от надежд на радикальные социалистические преобразования [2, с. 656; 3, с. 113; 4, с. 65]. На этот счет даже существовал особый термин «монархическое народничество» И. И. Каблицы, В. П. Воронцова, В. С. Пругавина, отражавший перерождение вчерашних крестьянских социалистов в «пошлых» идеологов мещанства. В лояльном отношении к «малым делам» до сих пор подозревается даже лидер политического крыла легального народничества Н. К. Михайловский [1, с. 257—258].

Другая часть исследователей доказывает принадлежность народников-реформистов к легальной оппозиции самодержавно-бюрократического режима. В призыве к государственному вмешательству в народную жизнь они видят проявление политической гибкости народнических теоретиков, их особую тактику действий (использование силы бюрократии для противодействия усилению буржуазии) в условиях слабости и неорганизованности российского общества [5, с. 36; 6, с. 86—87; 7, с. 86]. Высказывается также точка зрения, что, обосновывая программу построения в России государственного социализма, народники (в частности, В. П. Воронцов), имели в виду не самодержавное, а социалистическое государство, которое должно было возникнуть в результате народной революции [8, с. 76].

Очевидно, в вопросе об отношении легальных народников к государству как инструменту общественных преобразований не может быть однозначных суждений. В реформаторском народничестве сосуществовали разные идейно-тактические направления. Одни теоретики признавали политику Александра III «народной» и шли на хотя бы и временное примирение с идеей народного царя. Другие, наоборот, выступали за бескомпромиссную политическую борьбу с самодержавием. Поэтому, чтобы подвести под этими разногласиями общую черту, необходимо установить:

1) представления идеологов правого (неревлюционного) крыла народничества о государстве как субъекте управления обществом;

2) взгляды народников-легалистов на роль самодержавия в истории России;

3) отношение представителей основных течений в реформаторском народничестве к проблеме политической демократизации страны.

Что такое государство? Точного определения данного понятия у легальных народников нет. Это позволяет предположить, что они употребляли его в общепринятом тогда смысле, как организацию оседлого населения, занимающего определенную территорию и подчиняющегося одной и той же власти.

Назначение государства (правительства, которое его представляет) — регулирование отношений в обществе, защита его общих интересов. Основа могущества любой власти — уровень благосостояния народа, так как в конечном итоге именно он определяет доходы государственной казны. Поэтому в идеале государство должно создавать условия для развития основного населения страны, т.е. быть общенародным (бесклассовым). Примерно так обосновывали социальную природу и интересы государства как самостоятельного субъекта исторического развития многие легальные народники [9, с. 107, 115; 10, с. 292—293; 11, с. 43—44]. Но к такой интерпретации общественной роли власти они пришли не сразу.

До середины 1870-х гг. большинство народников воспринимало государство как силу, не просто враждебную народу (носителю общинного начала), но как главный источник его эксплуатации. Традиция противопоставления государства и народа как двух исконных антагонистов (что, конечно, не соответствовало действительности) была заложена еще в 50-е гг. XIX в. А. И. Герценом. Его рассуждения о «коре московского царизма и империализма (самодержавия российских императоров. — Г. М.)», приставшей к телу народа и мешавшей его свободному саморазвитию [12, с. 220], служили наглядным обоснованием полного отсутствия у этих форм власти народных корней.

Компромиссный характер реформы 1861 г., положившей начало обеднению крестьянства и деградации его хозяйства, еще больше убедил демократическую интеллигенцию 1860-х гг. в антинародности русского самодержавия. Тезис о том, что правительство защищает прежде всего интересы помещиков и нарождающейся сельской буржуазии (кулачества), разделяли и первые теоретики легального народничества (Г. З. Елисеев, Н. К. Михайловский, С. Н. Кривенко). Однако в отличие от революционеров они не считали государство абсо-

лютным злом и, несмотря на свой аполитизм, еще в начале 1870-х гг. ставили вопрос о государственной помощи крестьянству. Теоретическим обоснованием такой позиции послужила трактовка природы государства передовыми европейскими философами и историками (Ф. Лассаль, Л. Блан и др.). Например, на Н. К. Михайловского значительное влияние оказала концепция социальной роли государства, созданная Луи Бланом. Этот французский социалист требовал для государства «роли не господина, а служителя» и потому настаивал на его вмешательстве в экономическую жизнь страны в интересах неимущих классов [13, с. 72].

Радикальная переоценка народниками силы государства и степени его влияния на русскую жизнь происходит после провала знаменитого «хождения в народ». Для многих его участников цель этой акции заключалась в организации всенародного бунта против власти. Его итогом должна была стать скорая гибель государства как политической организации общества и торжество народного социализма (федерации общин). По утверждению идеолога революционного народничества М. А. Бакунина, русский народ прекрасно мог обойтись без государства, играющего в его жизни исключительно паразитическую роль [14, с. 45, 50—51, 53].

Близкое общение с крестьянством убедило интеллигенцию в том, что простой деревенский мужик не революционер и анархист, а консерватор и государственник, чья безусловная преданность монарху освящается его верой в божественное происхождение царской власти. Из народников-легалистов одним из первых о монархизме как главной характеристике политического сознания народа в 1876 г. заявил В. П. Воронцов в газете П. Л. Лаврова «Вперед!» [15].

Конечно, политическая инертность крестьянства было открытием только для народников. И. С. Тургенев еще в конце 1860-х гг. в письме к А. И. Герцену убеждал его в том, что «народ, перед которым вы преклоняетесь, консерватор» и испытывает стойкое отвращение «ко всякой гражданской ответственности и самодеятельности» [16, с. 113]. Однако признание этого факта имело далеко идущие последствия. Многие народники были вынуждены пересмотреть свое отношение к самодержавию, игравшему в русской истории вполне самостоятельную роль, отказаться от традиционного аполитизма и перейти к политической борьбе с властью.

Рассмотрим вопрос об исторической миссии самодержавия более подробно. Признавали ли

народники его субъектом модернизации России, как это делают современные исследователи?

Легальные народники, конечно, не употребляли термин «модернизация». Они писали о необходимости преодоления отсталости России от передовых европейских государств и приобщения российского народа к благам общечеловеческой цивилизации. Роль царского правительства в разрешении этой проблемы, несмотря на постоянную критику «самовластья», оценивалась народниками-реформистами достаточно высоко. И ничего удивительного в этом не было. Все крупные реформы XVIII—XIX вв. были задуманы и осуществлены российскими царями (Петром I, Екатериной II, Александром II), которые, не взирая ни на какие социальные издержки, вели страну по пути вестернизации. Важнейшим итогом их просветительской политики стало рождение на рубеже XVIII—XIX вв. самостоятельно мыслящего общества (в лице Н. И. Новикова и А. Н. Радищева) и, конечно же, Великие реформы 1860—1870-х гг. [17, с. 122—123; 18, 100].

Главное отличие самодержавия от других европейских монархий заключалось в том, что его деятельность была направлена на защиту не узкосословных, а общегосударственных интересов. Личная свобода и инициатива подавлялись царским правительством во имя заботы об «общем» благе, которая вплоть до середины XIX в. сводилась к обеспечению внешней безопасности и территориальной целостности страны. Ни дворянство, ни духовенство, ни купечество (впоследствии буржуазия), а, по мнению ряда народников, и интеллигенция, не имели в России самостоятельного значения. Они были искусственно созданы властью и большую часть российской истории оставались послушными орудиями в ее руках. Опираясь на эти доводы, кстати, впервые обоснованные в трудах историков государственной школы, народники-реформисты во второй половине 1870-х гг. приходят к выводу о надклассовости русского самодержавия [18, с. 81, 174; 19, с. 79—80; 20, с. 116—117].

Для легальных народников независимость царского правительства от общественных классов (в действительности сильно преувеличенная) — это еще одно доказательство самобытности русского общественного строя. Однако всеислие власти не давало никакого особенного преимущества простому народу. Скорее наоборот. Самодержавная власть «давила» крестьянство еще больше других сословий. Было время, пишет В. П. Воронцов, имея в виду удельно-вечевой период, когда простой народ сознавал себя серьезной политической силой, ре-

альным участником исторического процесса, а не его материалом. Возвышение царской власти, благодаря которой было создано русское централизованное государство, победа светской власти над церковной и окружение личности царя божественным ореолом, наконец, утверждение в стране крепостного права, отменить которое мог только всемогущий царь, — всё это привело к замене «демократического» мирозерцания крестьянства на монархическое. «Умственное изуродование» народа, его насильственное устранение от участия в общественной жизни страны — вот что, по мнению В. П. Воронцова, получил простой народ от «народной монархии» [21, с. 9—11, 19, 22]. И даже после «освобождения» крестьянства власть продолжала эксплуатацию его труда посредством выкупных платежей и подушной подати, которые не взимались с привилегированных сословий.

Таким образом, для народников главным критерием реформаторской деятельности правительства являлось ее влияние на положение основного населения страны. Признавая «всесословность» самодержавия и его значительный вклад в европеизацию России, они продолжали обвинять его в антинародности. Правда, такой подход не снимал вопроса о возможности примирения государственных и народных интересов при посредничестве русской интеллигенции. И он, действительно, оставался предметом дискуссии на протяжении всей истории легального народничества.

По убеждению революционных народников, Великие реформы Александра II оказались «прерванными на полуслове». Самодержавие исчерпало свой реформаторский потенциал и нуждалось в немедленной замене народным представительством. Эту задачу они предполагали решить в течение ближайших лет либо посредством всенародного бунта, либо путем заговора. Даже открывшиеся в ходе «хождения в народ» факты безусловной преданности крестьян своему верховному патрону (народный монархизм) не могли разубедить революционеров в том, что самодержавие, говоря словами П. Н. Ткачева, «висит в воздухе».

Позиция легальных народников в данном вопросе была более осторожной. Как и все народники, они признавали необходимость замены «верхушечной» модернизации, осуществляемой властью во имя сохранения целостности российской империи, на модернизацию «снизу».

Такая необходимость диктовалась, во-первых, опасениями реставрации дореформенных порядков, возрождения «дворянской эры» [22, с. 190—

191]. Сохранение помещичьего землевладения, превращение поземельной общины в фискальный институт, продворянский характер земства и, наконец, введение в 1889 г. института земских начальников — всё это воспринималось народниками публицистами как звенья одной цепи, которая продолжала «теснить» развитие народного сознания и самодеятельности.

Вторая причина неприятия народнической интеллигенцией самодержавной формы правления связана с проблемой обуздания чиновничьего произвола, как оборотной стороны неограниченной (бесконтрольной) монархии. По убеждению легальных народников, русская бюрократия (презрительно именуемая «медными головами») со времен Николая I превратилась в самодовлеющую силу, способную ради интересов собственного существования «погасить» любые прогрессивные начинания верховной власти. На необходимости уничтожения опасного для будущего страны «средостения» между народом и властью настаивали представители всех народнических фракций [11, с. 17, 91; 23, с. 184—185]. Радикальным средством борьбы с бюрократическим началом являлась политическая демократизация страны (развитие гласности, законности, установление общественного контроля над властью). Однако политические реалии пореформенной России исключали быстрое развитие этого процесса.

Для противодействия сложившемуся в обществе убеждению во всемогуществе бюрократии народники активно продвигали идею о том, что чиновники это не государство, а всего лишь исполнители его функций (слуги общества, которые используют свое положение в корыстных целях) [11, с. 156, 283]. Взамен бюрократии предлагалось всеобщее земство. Правда, его еще предстояло достроить «снизу» и «сверху» (на волостном и общегосударственном уровне) [24]. Принцип саморазвития общества включал также развитие крестьянского самоуправления. Без этой его составляющей интеллигенция, по словам И. И. Каблицы, будет обречена «взывать к бюрократии, вместо того, чтобы просить ее только посторониться...» [9, с. 113].

Третья причина заключалась в стремлении народников не допустить захвата власти буржуазией. В большей мере это была превентивная мера, поскольку до начала XX в. у русской «плутократии» (третьего сословия), находящейся под покровительством самодержавия, не было претензий на самостоятельную роль в управлении страной. Но народникам на рубеже 1870-х — 1880-х гг. угроза бур-

жуазного перерождения монархии казалась вполне реальной, так как правительство уже вступило на путь «искусственного» развития в стране капитализма. В данном случае легальные народники оказались жертвой собственной теории «мертворожденности» русского капитализма. Эта теория диктовала им пассивную и малоперспективную тактику убеждения правительства изменить ошибочно выбранный курс.

Драматизм ситуации для теоретиков реформаторского народничества (исключая крайне правых) состоял в том, что в России отсутствовал легальный механизм воздействия на власть. В этих условиях единственным, с их точки зрения, действенным средством изменения экономической политики правительства оставалась революция. Но ни народ, ни общество еще не были готовы взять на себя инициативу модернизации, стать субъектом новой экономической политики. Революция была преждевременной. Ее победа могла привести страну к диктатуре просвещенного меньшинства, которой народники-легалисты опасались еще больше царского деспотизма [25, с. 280]. Отсюда их ставка на длительную политическую демократизацию страны, чреватую регрессиями к революционному способу разрешения проблемы.

Необходимость выбора пути реформирования власти особенно остро встала перед легальными народниками в конце 1870-х гг. Главным ускорителем этого процесса послужил раскол «Земли и воли» и быстрая политизация народнического движения. Именно тогда народники-реформисты окончательно распались на две фракции — «политиков» и «социальщиков».

«Политики» во главе с Н. К. Михайловским выступили за ограничение власти царя «народной конституцией». Причина — стремление самодержавия направить модернизацию страны по европейскому (т.е. капиталистическому) пути. Помешать развитию этого процесса, который неизбежно привел бы к захвату власти буржуазией, могло только скорейшее введение демократической конституции. Сам народ ее добиться не мог из-за неразвитости политического сознания и полнейшей разобщенности. Эта миссия возлагалась народниками на демократическую интеллигенцию, как наиболее сознательную и политически активную часть трудового народа [26, с. 29].

Народникам-политикам в 1880-е — начале 1890-х гг. с успехом противостояли народники-социальщики (сторонники так называемых «малых дел»). Их лидеры в лице И. И. Каблицы, Л. Е. Обо-

ленского, Я. В. Абрамова доказывали, что в ближайшей перспективе самодержавие надо оставить в покое и сосредоточиться на удовлетворении непосредственных нужд простого народа. Аполитизм этой группы народников основывался: 1) на признании неизбежности краха капитализма в России; 2) на «народной» политике правительства Александра III, направленной на поддержку крестьянской общины; 3) на оттоке части отечественной интеллигенции из городов в земства для «культурной работы» в массах.

Однако голод 1891/92 г. развеял иллюзии «трудовой» интеллигенции о возможности земства и «культурных одиночек» решить проблему экономического и культурного подъема народной жизни. Для этого требовалось серьезное вмешательство государства, которое даже при «народном» царе Александре III предпочитало вкладывать изъятые у крестьян выкупные платежи в индустриализацию страны.

Промежуточную позицию в вопросе о необходимости политических преобразований занимали народники-центристы во главе с известным экономистом В. П. Воронцовым. В 1880—1890-е гг. они стояли на позиции аполитизма, доказывая, что Россия еще не созрела для освобождения от самодержавия. Слишком памятны были события 1881 г., наглядно продемонстрировавшие слабость и разрозненность либерально-демократических сил, а также отсутствие у идеи политической свободы прочной поддержки в народе. Кроме того, непосредственно В. П. Воронцовым в начале 1890-х гг. был выдвинут тезис о социокультурном бессилии русской интеллигенции, т.е. о ее неспособности стать главной движущей силой общественных преобразований, истинным творцом нового типа общественных отношений. Эту роль народник отводил народным массам [18, с. 101—104].

Заморозив процесс политических преобразований, правительство Александра III активно продолжало социально-экономическую модернизацию страны (развитие в стране крупного промышленного производства, стимулирование строительства железных дорог, совершенствование финансовой системы). При этом вопрос о ее сугубо капиталистической направленности оставался для народнических экономистов открытым вплоть до начала XX в. Царская власть в интересах национальной безопасности свято охраняла наследие прежнего экономического и бытового строя (сословную систему, помещичье землевладение, общину с круговой порукой и т.д.). Такая политика превращала самодержавие в серьезное препятствие на пути ускоренного

капиталистического развития, для которого требовалось полное освобождение страны от пережитков феодализма, включавших, таким образом, и форму политической власти [27, с. 7—8].

В 1890-е гг. в защиту разумного компромисса между властью и обществом выступил С. Н. Кривенко — один из идеологов культурничества. Для подтверждения такой возможности он обращается к современной истории ведущих европейских государств — Англии и Германии. Их правительства начинали всё больше и больше вмешиваться в экономическую жизнь своих стран, пытаясь урегулировать отношения рабочих и капиталистов законодательным путем. При этом С. Н. Кривенко замечает, что произошло это не от особой мудрости государственных мужей, а как результат давления на них общественного мнения. Что мог бы сделать Бисмарк, если бы немецкий народ не отличался такой общественной сплоченностью, которая и заставляет чиновников, включая членов правительства, служить законам и государственным интересам? Этот пример показывал тот естественный путь общественно-политического развития, на который, по убеждению С. Н. Кривенко, предстояло вступить России [28, с. 23, 33, 41—42].

Итак, аполитизм легальных народников 1880-х — начала 1890-х гг. не был простым возвратом к аполитизму семидесятников. Описав в своем развитии полный круг, народническая мысль обогатилась одной важной идеей. Путь к политической демократизации России лежит через предварительные социальные и культурные преобразования, призванные подготовить население к новой политической системе. Скороспелая политическая реформа не может сделать монархистов демократами, зато более вероятно перерождение «народного государства» в пресловутую «диктатуру просвещенного меньшинства».

К сожалению, правительство и радикальная интеллигенция 1890-х гг. не прислушались к идеям умеренных народников. Начавшийся в царствование Николая II новый общественный подъем еще больше увеличил раскол между властью и обществом, что, в конце концов, привело Россию к революции 1905 г.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Легальные народники признавали особую роль царской власти в постепенном «насаждении» в России элементов правового государства и гражданского общества (кодификация законов, новые суды, местное самоуправление, либеральная печать),

но считали эту деятельность недостаточной, а избранный правительством курс на капиталистическую модернизацию страны в корне ошибочным.

2. Отношение народников-реформистов к самодержавию было неоднозначным, противоречивым, но в целом далеким от интерпретации его в качестве «творческой и благодетельной» для народа силы (из-за значительных социальных издержек реформ).

3. Легальные народники понимали, что главным препятствием на пути общественных преобразований являлось не самодержавие как форма правления, а политическое сознание народа (его авторитаризм), для развития которого требовалось постепенное изменение общих социальных и культурных условий русской жизни. Однако они не имели реальных рычагов для ускорения этого процесса, что обусловило кризис доктрины мирного (эволюционного) пути демократизации страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Балуев Б. П.* Либеральное народничество на рубеже XIX—XX веков / Б. П. Балуев. — М.: Наука, 1995.
2. *Козьмин Б. П.* Из истории революционной мысли в России: избр. тр. / Б. П. Козьмин. — М.: Изд-во АН СССР, 1961.
3. *Лиоренцевич И. Г.* Социологические теории народничества // Социологическая мысль в России: очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX — начала XX века / И. Г. Лиоренцевич. — Л.: Наука, 1978.
4. *Филиппов А. В.* Либеральное народничество и российский марксизм: (на материалах публицистики 80—90-х гг. XIX в.): дис. ... канд. ист. наук / А. В. Филиппов. — СПб., 1992.
5. *Харламов В. И.* Идеология правого народничества в публицистике Каблицы-Юзова // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8, История. — 1982. — № 1.
6. *Жвания Д. Д.* Народники-реформисты о крестьянской общине в 70—90-е гг. XIX в. (В. П. Воронцов, И. И. Каблиц, П. А. Соколовский): дис. ... канд. ист. наук / Д. Д. Жвания. — СПб., 1997.
7. *Касторнов С. Н.* Народники-реформисты о социальных и общественно-политических проблемах России второй половины XIX — начала XX в.: сравнительный анализ: дис. ... канд. ист. наук / С. Н. Касторнов. — Орел, 2002.
8. *Хорос В. Г.* Русская история в сравнительном освещении / В. Г. Хорос. — М.: ЦГО, 1996.
9. [Каблиц И. И.] Юзов И. Современная русская жизнь и ее задачи / И. Юзов // Мысль. — 1881. — № 1.
10. *Пругавин В. С.* Русская земельная община в трудах ее местных исследователей / В. С. Пругавин. — М.: Тип. Баранова, 1888.
11. *Кривенко С. Н.* Собр. соч.: в 2 т. / С. Н. Кривенко. — СПб., 1911. — Т. 2.
12. *Герцен А. И.* Россия / А. И. Герцен // Полн. собр. соч.: в 30 т. — М.: АН СССР, 1955. — Т. 6.
13. *Михайловский Н. К.* Полн. собр. соч.: в 10 т. / Н. К. Михайловский. — СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1909. — Т. 3.
14. *Бакунин М. А.* Государственность и анархия. Прибавление «А» / М. А. Бакунин // Революционное народничество 70-х годов XIX века: сб. документов и материалов: в 2 т. — М.; Л.: Наука, 1964. — Т. 1.
15. [Воронцов В. П.] К вопросу об условиях революции в России // Вперед! — 1876. — № 31.
16. *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем. Письма: в 18 т. / И. С. Тургенев. — М.: Наука, 1988. — Т. 5.
17. [Кривенко С. Н.] С. К. Хроника внутренней жизни / С. К. // Русское богатство. — 1892. — № 2.
18. [Воронцов В. П.] В. В. Наши направления / В. В. — СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1893.
19. [Оболенский Л. Е.] Л. О. Оценка идей Достоевского / Л. О. // Мысль. — 1881. — № 4.
20. *Каблиц И.* Интеллигенция и народ в общественной жизни России / И. Каблиц. — СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1886.
21. [Воронцов В. П.] В. В. От семидесятых годов к девятистому: сб. ст. / В. В. — СПб.: Общественная польза, 1907.
22. [Кривенко С. Н.] Новая эра // Литература партии «Народная воля». — М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1930.
23. [Оболенский Л. Е.] Созерцатель: обо всем / Созерцатель // Мысль. — 1882. — № 10/11.
24. *Абрамов Я. В.* Что сделало земство и что оно делает: (обзор деятельности русского земства) / Я. В. Абрамов. — СПб., 1889.
25. *Кривенко С. Н.* Физический труд как необходимый элемент образования / С. Н. Кривенко. — СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1887.
26. [Михайловский Н. К.] Гроньяр. Политические письма социалиста. Письмо первое / Гроньяр // Литература партии «Народная воля». — М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1930.
27. Власть и реформы: от самодержавной к советской России. — М.: ОЛМА-ПРЕСС Экслибрис, 2006.
28. [Кривенко С. Н.] Сергеев С. Е. Император Вильгельм II и вопросы международной политики / С. Е. Сергеев. — СПб.: Тип. В. П. Мещерского, 1890.

Воронежский государственный университет
Мокшин Г. Н., кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории России
E-mail: deanary@hist.vsu.ru
Тел.: (4732) 24-75-14

Voronezh State University
Mokshin G. N., Candidate of Historical Science,
Associate Professor of the History of Russia Department
E-mail: deanary@hist.vsu.ru
Tel.: (4732) 24-75-14